

А. А. Иностранцев

Воспоминания*

<...>

Глава III. Студенчество

В августе 1863 г. я должен был подать прошение в Университет о моем приеме в число студентов. В то время в Университете существовал обычай прошения представлять лично самому ректору, чтобы он и знакомился с новыми студентами. Когда я сообщил родителям, что я поступаю на естественное отделение физико-математического факультета, то мой отец¹¹⁵ спросил меня: «Так ты чиновником не будешь?» Я отвечал, что никоим образом, и это его вполне удовлетворило. Он почему-то терпеть не мог чиновников.

С каким трепетом и радостью, с прошением в кармане, я отправился в Университет, на который привык смотреть как на храм науки. Страшная робость напала на меня, когда меня вызвали к ректору. В то время ректором был Э.Х. Ленц (отец)¹¹⁶ — чрезвычайно представительный, довольно пожилой человек, немецкого склада ученый; он весьма приветливо поздоровался со мною, пожал руку и стал расспрашивать о моих стремлениях. В короткое время у меня совершенно прошли страх и робость, ибо мне крайне приятно было такое человеческое отношение ко мне почтенного профессора.

В то время стала развиваться сильная мода на естествознание. Появилось несколько переводных с иностранных языков популярных книг, и потому желающих поступить на естественно-историческое отделение было довольно много, и значительная часть моего выпуска записалась также туда. Правда, довольно скоро, в силу необходимости на этом отделении факультета значительной работы, мало-

* **Иностранцев Александр Александрович** (1843–1919) — геолог, палеонтолог, петрограф, археолог. Хранитель минералогического кабинета (1867–1868), хранитель геологического кабинета (1868–1870), приват-доцент (1870), профессор (1870–1919) Санкт-Петербургского университета, профессор Высших женских (Бестужевских) курсов. Создатель и первый председатель Русского антропологического общества при Санкт-Петербургском университете.

Текст приводится по изданию: Профессор Санкт-Петербургского университета А.А.Иностранцев: к 170-летию со дня рождения / подгот. текста В.В.Аркадьева, коммент. В.А.Прозоровского и И.Л.Тихонова. СПб.: Супервэйв групп, 2014. С. 60–69; 71–72; 75–84; 86–92; 116–117; 119–128; 130–133; 138–139; 141–143; 188–189.

Первая публикация: *Иностранцев А. А. Воспоминания (Автобиография)* / подгот. текста вступ. ст. и коммент. В.А.Прозоровского, И.Л.Тихонова. СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1998. 272 с.

помалу некоторые стали переводиться на другие факультеты и в другие заведения. Так, мой гимназический товарищ Вонлярлярский¹¹⁷ перешел в Школу гвардейских подпрапорщиков; поступивший вместе со мною сын бывшего военного министра Милютина¹¹⁸ — в Пажеский корпус и т. д. Упомяну, кстати, что немногие из моих бывших товарищей по гимназии хотя и окончили со временем этот факультет, но также избрали себе другую дорогу, изменив естествознанию. Так, А. Н. Дитлов¹¹⁹, не получивший юридического образования, избрал юриспруденцию и, кажется, умер председателем Череповецкого окружного суда. П. С. Яковлев, П. К. Решеткин¹²⁰ и некоторые другие пошли в чиновники.

Первую лекцию в Университете нам пришлось прослушать у А. А. Воскресенского¹²¹ по неорганической химии. Не скажу, чтобы сама лекция на меня произвела впечатление, так как я уже был несколько знаком с химией как по посещаемым [мною] популярным лекциям, так и по некоторым популярным переводным книгам. Сознание того, что теперь я могу заняться вполне химией, не отвлекаясь зубрением латыни и т. п., делало эту лекцию очень приятною. Опыты на этой лекции профессора были прямо блестящи, хотя и довольно элементарны. Помощником профессора при этих опытах был уже пожилой лаборант, видимо, прекрасно освоившийся с химическими приборами, — Шмидт, по своему образованию всего аптекарский ученик.

Не буду отвлекаться другими лекциями, упомяну только о том, что лекции некоторых профессоров этого первого курса отличались необыкновенною отчетливостью и ясностью, к этому разряду я отношу лекции по зоологии К. Ф. Кесслера¹²², по кристаллографии П. А. Пузыревского¹²³ и по физике Э. Х. Ленца. Относительно других профессоров, читавших лекции первому курсу, этого сказать не могу. Так, известный и уважаемый ботаник, читавший лекции по систематике растений, излагал предмет до того монотонно и неинтересно, что мне слушать его было просто невозможно. Не могу забыть, что на второй или третьей лекции этого профессора, несмотря на все мои старания, я заснул. Это было для меня прямо удивительно, так как в это время я спал вообще очень мало, а днем никогда. Мне так было совестно, хотя я и не знал, заметил ли это профессор, но это обстоятельство заставило меня очень редко посещать лекции ботаники.

Учебников на русском языке по преподаваемым нам предметам почти не существовало. Исключение разве составлял учебник по кристаллографии Н. И. Кокшарова¹²⁴. Много позднее, когда мы уже были на четвертом курсе, вышел перевод уже известного сочинения по ботанике А. Н. Бекетова¹²⁵ да перевод Сакса [книги] проф[ессора] А. С. Фаминцына¹²⁶. Ввиду недостатка в учебниках мои товарищи по курсу распределили роли записывающих лекции профессоров и почему-то на меня возложили на первом курсе лекции по неорганической химии, на втором — по минералогии, а на четвертом — по геологии. По этим рукописным заметкам мы главным образом и готовились к экзамену, обмениваясь записками по другим предметам с товарищами.

Не могу умолчать о моем первом и довольно оригинальном способе знакомства с бывшим до проф[ессора] Пузыревского у нас проф[ессором] Э. К. Гофманом¹²⁷, произошедшего, когда я был на первом курсе. После одной из лекций проф[ессора] Воскресенского я как-то раз, проходя мимо дверей минералогической кабинета, вспомнил, что проф[ессор] Воскресенский рассказывал нам

о каком-то химическом элементе, особенно распространенном в минералах, и задумал попросить позволения у профессора Пузыревского посмотреть некоторые из минералов, упомянутых на лекции. Такое мое желание было довольно естественным, ибо большая представляется разница — видеть сам предмет или о нем только слышать. С этой целью я и позвонил в кабинет, и мне открыл дверь, став в ее проходе, среднего роста приземистый седой человек, выбритый и только с одними короткими усами, в годах, возможно, более 60. Но особенно меня удивил костюм этого господина; он был одет в черную блузу без пояса, украшенную черными кистями. Когда я изложил ему, для чего я хочу видеть профессора, то этот господин улыбнулся и на довольно ломаном русском языке сказал мне: «Вы такой красивый молодой человек, что Вам надо гулять на Невском проспекте, тем более что и погода сегодня прекрасная». С этими словами он захлопнул дверь, и я остался ни при чем. Сначала я подумал, что имел дело со старым служителем кабинета или из немцев, но оригинальный костюм меня поставил в тупик. Позднее оказалось, что это и был сам Э. К. Гофман, а блуза на нем — костюм саксонских горнорабочих. Хотя Э[рнст] К[арлович] и вышел в мае 1863 г. из состава профессоров, но затем очень долго ходил и перебирал университетские минералогические коллекции, так что я застал его в кабинете даже будучи уже на четвертом курсе, когда был исправляющим должность ассистента у проф[ессора] Пузыревского.

Относительно чтения лекций Э. К. Гофманом, на ломаном русском языке, мне сообщили студенты старших курсов, что это было нечто смехотворное и что они ходили на его лекции только по дежурству, чтобы не обидеть уходящего из состава профессора своим отсутствием. Любимым началом лекции были такие слова, произносимые профессором: «Ту, эти минералогия...» — и т. д. И когда он видел, что студенты улыбаются, то предлагал одному из присутствующих свою напечатанную «Минералогию»¹²⁸, просил громко прочесть о том или другом минерале, а сам в это время обходил студентов и его показывал. Э. К. Гофман даже на публичном годовом акте Университета¹²⁹ произнес речь на немецком языке.

Относительно Э. К. Гофмана и Г. П. Гельмерсена¹³⁰ среди студентов того времени ходил следующий легендарный рассказ о том, как оба они сделались учеными. Однажды Император Николай I, вероятно, прочтя в английской газете о громадной пользе для страны работ геологов, спросил министра Канкрин¹³¹, есть ли геологи у нас. Канкрин ответил, что есть. Тогда Император приказал представить ему некоторых из них, ибо он хотел с ними поговорить о минеральных богатствах России. Известный покровитель Дерптского университета Канкрин сейчас же сделал ректору запрос, нет ли молодых или старых геологов или нет ли вообще [людей], занимающихся специально минералогией и геологией. Как раз в это время не было в Дерпте уже желающих и записавшихся на занятия этими предметами, а потому ректор вывесил объявление, что кто желает себя обеспечить в будущем, тот пусть и займется этими предметами. На это приглашение откликнулись двое: один — с богословского факультета Э. К. Гофман, другой — с юридического Г. П. Гельмерсен. Канкрин затянул представление императору новых геологов и только послал вторичное напоминание [ректору с просьбой] выписать их в Петроград, снабдил деньгами на фрачную пару и повез их к императору. Николай I терпеть не мог

ффрачников, а потому при первом же знакомстве решил произвести их в офицеры, в какой чин — неизвестно. С тех пор все горные инженеры находились в офицерских чинах, и я отлично помню Г. П. Гельмерсена генерал-лейтенантом, Н. И. Кокшарова — генерал-майором, Н. Н. Барбот-де-Марни¹³², П. Еремеева¹³³ и Г. Д. Романовского¹³⁴ — полковниками. Э. К. Гофман, дослужившийся до чина генерал-майора, все не мог привыкнуть к своей форме; она, видимо, его смущала, а шпага сбоку прямо мешала, так что он, приходя на лекции, клал ее на кафедру. До Устава 1863 года все профессора минералогии и геологии были почему-то горные инженеры, а потому и пути к специализации по этим предметам в Университете как бы были отрезаны, и действительно, только с введением нового устава появились [в качестве] профессоров не горные инженеры.

На первом курсе Университета мое материальное состояние было очень бедственным. Хотя я и имел помещение и пропитание у родителей, но и они сами были плохо обеспечены и в денежном отношении помочь мне не могли. Правда, добрейший мой отец изредка нет-нет да и сунет мне в руку рубль, как он говорил, на конку. В то время по пути нынешнего трамвая по Невскому проспекту только что открыли по рельсам конное сообщение. Я очень редко пользовался конкой: с 8 часов утра, когда я, после утреннего чая, отправлялся в Университет, до возвращения домой, иногда в шестом часу, я ничего не ел, и потому нередко часть этого рубля расходовалась мною в университетском буфете. Милейший инспектор нашей гимназии Х. И. Пернер¹³⁵ предлагал мне опять репетиции с отстающими пансионерами, но совместить их с моими занятиями было невозможно. Эти репетиции могли быть только по вечерам, а потому я должен был бы один длинный путь с Песков¹³⁶ в Университет совершать утром, другой — с Песков на Казанскую — вечером, и потому добывать средства этим путем было бы для меня невозможным. Помимо этих длинных путешествий, на меня было возложено товарищами составление записок по лекциям химии, что отнимало много времени. Целые вечера и часть ночи у меня уходили на это, так как помимо разбора записанных мною лекций надо было еще вести контроль по иностранным учебникам, а принимая во внимание еще и недостаточную твердость в знании иностранных языков, приходилось эту последнюю работу вести со словарями.

Кажется, месяца через три после поступления моего в Университет однажды проф[ессор] А. А. Воскресенский после своей лекции стал с нами беседовать, как он любил иногда это делать; я обратился к нему с просьбой дать мне какую-нибудь работу по неорганической химии. Профессор, видимо, этой просьбой остался доволен и сказал мне, что подумает над этим и даст мне ответ после следующей лекции, и записал себе в книжку мою фамилию. После следующей лекции я был вызван к профессору, который предложил мне, ввиду начавшегося в то время вхождения в моду алюминия, заняться способом добычи его сухим путем, уточнив, что эту работу надо вести при очень высокой температуре в горне. Наша химическая лаборатория в то время помещалась в самом нижнем этаже Университета, а для горна была отведена небольшая комната рядом с комнатой для сероводорода. Тяга и прочие устройства лаборатории были ниже всякой критики. Вонючая комната, полуразрушенный горн мало сулили успехов, тем не менее благодаря советам лаборанта Шмидта, ко-

торый довольно скептически отнесся к возложенной на меня задаче, я приступил к этой работе. Оказалось, что одному справиться с этой работой было невозможно, ибо надо было топить день и ночь горн при отсутствии какого-нибудь служителя. Я пригласил к совместной работе моего товарища по курсу С. М. Неклюдова¹³⁷, который хотя и увлекался ботаникой, но, видимо, с удовольствием вступил в компанию. За этой работой, большей частью оканчивающейся неудачей и снова начинаемой, мы провели с ним, вероятно, недели три. Днем приходилось по очереди вести топку горна, а ночи мы проводили совместно, занимая друг друга разговорами, а иногда и засыпая. Покойный С. М. Неклюдов был весьма образованный человек, много прочитавший, и весьма разговорчивый. В разговоре он иногда, для красного словца, уклонялся от истины, и тут мне приходилось его останавливать заявлением, что от его слов у нас из тигля сейчас алюминий пойдет кусками. Этот «алюминий кусками» играл позднее некоторую роль при наших встречах с Неклюдовым, ибо когда кто-нибудь из нас или другой в нашем присутствии, сообщал какие-либо известия, подлежащие сомнению, то мы друг другу говорили: «Алюминий кусками». Наши опыты никаких результатов не дали из-за полуразрушенного и неблагоустроенного горна, и я об этом сообщил профессору. Тем не менее А. А. Воскресенский отнесся ко мне весьма любезно и заявил, что прикажет перестроить горн летом, а во мне и моем товарище видит весьма ревностных студентов, любящих химию.

Лето этого года я опять провел почти сплошь в Новой Ладогe, у брата Павла Александровича¹³⁸, хотя значительную часть времени проводил в Старой Ладогe в той же гостинице женского монастыря, делая ежедневные экскурсии по заброшенным ломкам известняка в волховских породах. Здесь я обыкновенно занимался отыскиванием силурийских окаменелостей и составлением коллекции, а дома читал книги, все так же увлекаясь химией.

Осенью этого года мне пришлось быть свидетелем одного события, которое произвело на меня крайне тяжелое впечатление, — это гражданская казнь Чернышевского¹³⁹. Как новичок в Университете я, приглядываясь к порядкам, невольно прислушивался и к разным толкам и слухам, в нем ходившим, и узнал, что сходка, на которой я не был, постановила, чтобы все студенты собрались на другой день рано утром на Конную площадь для протеста против гражданской казни Чернышевского. По долгу товарищества я счел необходимым тоже присутствовать. С Песков на Конную площадь¹⁴⁰ близко, но я все-таки просил дома меня разбудить в 5 часов, чтобы быть вовремя на месте казни. Когда я пришел на Конную площадь, она утопала в грязи, так как время было сильно дождливое и холодное. На площади был выстроен эшафот, окруженный довольно густою цепью войска, которого было собрано значительное количество, ибо ожидалась, как я узнал позднее, попытка похищения Чернышевского. Хотя я и пришел очень рано, но все-таки проникнуть даже близко к войску не мог, а потому наблюдать за событиями пришлось издалека. Толпа собралась громадная; до цепи войска площадь еще больше стала наполняться народом, среди которого преобладала молодежь обоего пола. Довольно долго, под дождем, мы ожидали прибытия. Наконец раздался в толпе крик: «Везут!» — и действительно показалась карета, запряженная парой лошадей, которая при въезде на площадь завязла в грязи, и лошади никак не могли сдвинуть ее с места... Необыкновенно быстро на помощь

лошадям из толпы бросилась масса молодежи, и, кто толкая карету сзади, кто помогая лошадям спереди, довольно скоро доставили карету к цепи войска, где благодаря этому последнему уже грязь была значительно утоптана, и лошади могли подвести карету уже прямо к эшафоту, а помогающих быстро оттеснили. При появлении кареты на площади на эшафот поднялось несколько человек, кто в форменном штатском, кто в военном платье. Когда остановилась карета, то первыми вышли из нее два жандарма, а за ними и Чернышевский; жандармы сейчас же обнажили палаши, стали по обе стороны Чернышевского и так его сопровождали на эшафот. По дальности расстояния рассмотреть выражение лица Чернышевского я не мог. Как только доставили Чернышевского на эшафот, вышел один из находящихся на нем в штатской форме и стал читать бумагу; голос его я слышал, но разобрать, что он читает, по дальности расстояния я не мог. Затем Чернышевского заставили встать на колени, перед ним стал палач, держа в руках шпагу, которую, вероятно, раньше подпиленную, довольно скоро над самой головой наказуемого сломал. Этим обряд и закончился. Снова повели Чернышевского к карете, усадили с жандармами, а часть последних верхом на лошадях окружили карету, и поезд тронулся обратно. Везти обратно было уже легко, так как толпа отчасти утоптала грязь площади. Когда карета выехала из цепи войска, то на площади слышались довольно многочисленные крики и сочувствующие Чернышевскому возгласы, а карета довольно быстро удалялась, увозя казненного. Никакой попытки освобождения Чернышевского я не видел.

Самый процесс казни, только за один литературный труд, при отсутствии каких-либо других обвинений, произвел на меня крайне угнетающее впечатление, и, в значительной мере озлобленный, я вместе с толпою отправился обратно. Обернувшись как-то случайно, я заметил, что недалеко за мною возвращается с казни мой отец, разговаривая с каким-то господином. Я невольно обратил внимание на то, что на голове отца было кепи, окруженное по тулье широким золотым галуном, тогда как обыкновенно он носил из военной формы только одну фуражку. Такой головной убор на отце, очевидно, им был надет для большей внушительности; он, очевидно, боялся, что какие-то выходки с моей стороны подвергнут меня аресту, и он будет меня выручать. Так один за другим мы пришли домой к утреннему чаю.

Через день после гражданской казни, когда я хотел, под свежим впечатлением, записать подробности ее в свою тетрадь, мне вспомнилось, что она у отца. Дело в том, что во время моего посещения, еще гимназистом, брата-доктора я из ряда запрещенных книг делал в особо заведенную мною тетрадь in 4=⁰ (т.е. в четверть страницы. — *Примеч. сост.*) выписки, некоторые стансы переписывал, а стихи Огарева¹⁴¹ не только все были в этой тетради, но многие из них я знал наизусть. Как-то у брата я получил и портрет Герцена, который и наклеил снаружи на твердый переплет тетради. Незадолго до дня казни отец по какому-то делу зашел ко мне в комнату и увидел эту тетрадь. Узнав от меня, что в ней находится, отец попросил меня дать ему прочесть, что я и исполнил. Вспомнив об этой тетради, я спустился вниз к отцу с просьбою вернуть мне эту тетрадь хотя бы на время, но отец заявил мне, что он ее сжег. В свое оправдание отец сообщил мне, что ему достоверно было известно, что перед казнью Чернышевского были усиленные обыски и аресты студенчества и что он очень боялся, чтобы, как он выразился, из-за такой глупости,

как эта тетрадь, я бы не пострадал. Он также сообщил мне, что для моей защиты он ходил на казнь Чернышевского. Таким путем исчезла моя тетрадь, а с ней в значительной мере и мой либерализм того времени.

На втором курсе нас уже официально допустили до занятия качественным анализом в лабораторию. С необыкновенной горячностью я принялся за анализы, за которыми проводил почти все время, кроме моих любимых лекций. По вечерам к составлению мною записок еще мои товарищи присоединяли и лекции по минералогии, а потому все мое время было поглощено. Большей частью я работал по ночам и теперь удивляюсь, что несколько при этом не пострадал, а спал я необыкновенно мало, мне в это время для сна было достаточно 2–3 часов. Объяснял я отсутствие последствий такого поведения моим крепким организмом — наследством от родителей. Благодаря такой энергии в работе я скоро освоился с качественным анализом, был бы готов приступить и к количественному, но эти работы в лаборатории начинались на третьем курсе.

К моему счастью, в то время доцент Д. И. Менделеев¹⁴² объявил для чтения особый курс «О горючих вообще и о топливе в особенности», на который я явился одним из постоянных посетителей этих лекций, записывал до деталей почти все слова лектора, а по вечерам составлял по ним и записки. Первоначально свои лекции Д. И. Менделеев читал крайне нудно, постоянно растягивая слова, запинаясь, и сопровождал все это продолжительным нытьем.

Но стоило только несколько освоиться с характером изложения, чтобы в этих лекциях усмотреть громадный интерес к изучаемому предмету, настолько полно было их содержание. Этих лекций было немного, но для меня они остались незабываемыми.

Вскоре после того Д. И. Менделеев стал читать нам о способах количественного определения при помощи титрования. Для этой цели ему было отведено две комнаты во втором этаже Университета, а в лаборанты к себе он пригласил Г. Г. Густавсона¹⁴³, впоследствии довольно известного профессора химии в Петровско-Разумовской академии. Этому последнему, в свою очередь, впервые пришлось знакомиться с этим в то время новым способом. В числе работающих нас было мало и в конце концов остались Густавсон и я; в это время и началось наше взаимное и продолжительное знакомство.

Д. И. Менделеев в то время читал частные лекции известному богачу П. П. Демидову¹⁴⁴, кончившему курс по коммерческому факультету. Демидов в одном из подвальных помещений отвел две комнаты, отделав их самым тщательным способом. Первая комната при входе была весовая, где стояли прекрасные химические весы, шкафы для приборов и книг, конторки и т. п. Во второй комнате, где все столы были выложены изразцами, пол сделали из асфальта. Столы и полки для реактивов были покрыты толстым зеркальным стеклом.

Одно было неудобно — это темнота подвального помещения, а потому приходилось все время работать при газовом освещении. Лаборантом здесь у Д. И. Менделеева был Алексеев¹⁴⁵, который вскоре по защите магистерской диссертации был выбран доцентом в Университет Св. Владимира, куда и уехал. Менделеев обратился ко мне с предложением быть у него лаборантом в лаборатории Демидова.

Не знаю, пригляделся ли он ко мне во время слушания и записывания его лекций по «горючим» или по некоторому знакомству в лаборатории для титрования, но думаю, что это предложение не обошлось без рекомендации Менделееву меня со стороны Воскресенского и Пузыревского. Я, конечно, с благодарностью согласился, но это назначение меня лаборантом встретило некоторое препятствие.

Дядя мой, вышеупомянутый С. М. Добровольский¹⁴⁶, был когда-то репетитором П. П. Демидова по юридическим наукам, и последний до такой степени привык и полюбил дядю, что в конце концов уговорил его бросить преподавание в военных училищах и принять у Демидова место главного управляющего. Дядя уже выслужил казенную пенсию, а здесь открывалась широкая деятельность, превосходно оплачиваемая. Он согласился. Вот когда Менделеев представил меня на замещение Алексеева, дядя уже был главным управляющим, а он принадлежал к разряду людей, противоположных Фамусову, и «порадеть родному человечку» он не согласился. Но кто знал Д. И. Менделеева, кто знал, с каким упорством он отстаивал свои желания, тот поймет, что дяде бороться было невозможно. Менделеев отправился к Демидову и рассказал о нашем родстве и о сопротивлении дяди; Демидов, кажется, единственный раз пошел против дяди и сам назначил меня лаборантом. Обязанности мои заключались в приготовлении приборов для опытов Менделеева, а равно и для добычи некоторых химически чистых реактивов, даже органических, а позднее к ним присоединились количественные анализы присылаемых из Тагила разнообразных руд. Лекции Демидову скоро были прекращены, и я [остался] только при исполнении двух последних обязанностей, для личного усовершенствования в химии.

Содержание мне полагалось 25 рублей в месяц. Я находился в то время без каких-нибудь определенных средств, [а потому] сумма мне казалась чрезвычайно значительною, и я вполне был рад такому годовому обеспечению.

С получением этих занятий моя жизнь несколько изменилась. Явилась возможность изредка ездить в Университет с Песков на конке (цена была 5 копеек). К моему счастью, любимые мои лекции (химия и минералогия) читались в ранние часы утра, так что я после этих лекций сейчас же направлялся в свою лабораторию, которая помещалась на Б. Морской близ Исаакиевской площади. В особенности было близко зимою — прямо по льду чрез Неву, по протоптанной пешеходной дорожке. У сената стоял старик-саечник, который уже ко мне привык, и ежедневно я получал от [него] заранее приготовленную свежую, иногда даже теплую сайку, обильно намазанную желтою икрою за цену в 15 к. С этой сайкой я приходил в лабораторию; в химической колбе заваривал чай и таким способом устраивал себе в течение дня пропитание. Работал я здесь почти непрерывно и иногда мечтал скопить себе денег, чтобы купить складную кровать для ночлега в лаборатории; но это так мечтой и осталось. Часов в 7 вечера я возвращался на Пески к родительскому чаю, где мне оставлялась от обеда известная доля съедобного. После чая я сейчас же садился за свои ночные книжные занятия и составление записок лекций. Наступившее лето не принудило меня покинуть Петроград, несмотря на зов брата. Я проработал в лаборатории все лето, и это дало мне возможность к началу третьего курса уже вполне освоиться как с количественным анализом, так и с титрованием. К началу пребывания моего на третьем курсе П. А. Пузыревский, занятый в то время писанием своей докторской

диссертации, обратился ко мне с просьбою сделать для его работы химические анализы некоторых финляндских мраморов, что и было мною исполнено. Эти анализы напечатаны в работе П. А. Пузыревского в «Очерке геогностического описания Лаврентьевской системы»¹⁴⁷, а с этим вместе впервые в печати появилось и мое имя, что в свое время мне доставило очень большое удовольствие.

Наши лекции и дальнейшее мое пребывание в лаборатории Демидова шли по вышеописанному шаблону, мало уклоняясь от нормы. <...>

Вскоре после сдачи экзамена из минералогии, когда я чем-то был занят в минералогическом кабинете, проф[ессор] П. А. Пузыревский предложил мне сопутствовать ему в геологической экскурсии в Финляндию. К нам присоединились еще два моих однокурсника — Штукенберг, бывший потом профессором Казанского университета¹⁴⁸, и Ребиндерг¹⁴⁹. Мы объехали значительную часть восточной Финляндии, а в некоторых местах, как, например, на острове Пузунг-Сари¹⁵⁰ у северного побережья Ладожского озера, нам были показаны некоторые приемы геологических экскурсий. Нужно сказать, что П. А. Пузыревский был довольно скрытный человек и, как оказалось впоследствии, эта его поездка была проверкою его раньше бывших здесь исследований, из которых он и составил в то время свою докторскую диссертацию, а потому и самая поездка была очень быстрая, но тем не менее для нас, начинающих ученых, очень полезная.

Еще в Петрограде П. А. Пузыревский советовал мне для первой самостоятельной экскурсии взять на Ладожском озере остров Валамо¹⁵¹, так как относительно его существовало описание проф[ессора] Куторги¹⁵², который, собственно, был не геолог, а зоолог. В Петрограде я запасся открытыми листами и очень небольшими для этой цели денежными средствами, рассчитывая, что жизнь на Валамо дешевая: квартира и стол — даровые. На обратном пути с экскурсии, в Сердоболе¹⁵³, я расстался с компанией, сел на пароход и поехал на Валамо. <...>

Весною этого года со мною и некоторыми моими товарищами произошел еще один случай, рисующий отношение нашего высшего начальства того времени к студентам и их поступкам. У нас, студентов, был обычай изредка собираться вечером у одного из товарищей, у которого была побольше квартира. Делалась складчина, на которую готовился ужин, запас бутербродов, водка и пиво. Наиболее излюбленным местом собрания для нашей компании была квартира нашего товарища П. К. Решеткина, который занимал большую квартиру и жил с братом, окончившим Дерптский университет типичным буршем¹⁵⁴. Этот последний обыкновенно всегда присутствовал на таких собраниях и был заправилой нашего кутежа. Препровождение времени на таких собраниях обыкновенно сопровождалось разговорами и спорами то политическими, но большею частью научными. В этот раз мотивом для сбора была охота. С этой охоты один из товарищей, страстный охотник, привез [нам] двух им убитых лебедей для уничтожения. Конечно, ужин затянулся, и мы в 4-м часу утра всей гурьбой направились по домам. На углу Пантелеймонской¹⁵⁵ и Моховой, а на последней и жил Решеткин, был трактир, над которым помещался какой-то публичный танцевальный зал. Как трактир, так и зал были довольно ярко освещены. Одному из товарищей пришла мысль зайти в трактир и выпить там сельтерской воды; почти все товарищи подхватили эту

мысль, и мы вошли. В большой зале, где буфет, сидел только один полицейский офицер, дежуривший по танцклассу, и ужинал; как только мы вошли, он быстро вскочил со своего места и что-то шепнул буфетчику. Когда мы потребовали сельтерской воды, буфетчик отказал нам наотрез. Этот отказ сильно возмутил товарищей, и в несколько голосов мы стали требовать себе воды. В этот спор вмешался полицейский, и спор закончился составлением протокола, в который полицейский включил фразу, что мы были в нетрезвом состоянии.

Выходя из трактира, мы стали совещаться относительно протокола, и большинство решило сейчас же направиться к градоначальнику, чтобы убедить его, что мы в трезвом состоянии. Мы всей гурьбой отправились по месту жительства градоначальника, настояли на том, чтобы его разбудили и вызвали к нам. Он, заspanный и в халате, очень скоро вышел к нам, и когда мы изложили ему свою жалобу на полицейского, он необыкновенно вспылil, стал на нас кричать, доказывая неуместность нашего прихода и что он будет жаловаться на нас попечителю округа; при этом приказал дежурному записать наши фамилии. Надо вполне сознаться, что самое посещение градоначальника, в то время Трепова¹⁵⁶, с нашей стороны было не совсем уместно и что это самое посещение уже доказывало, что мы были не особенно трезвы. Тем более факт совершился, и мы разошлись по домам, вполне уверенные, что за беспокойство Трепова нам попадет.

Приблизительно через неделю каждый из нас получил повестку от инспектора студентов, в которой мы вызывались к известному часу ректором в Петровский зал Университета. Ректор, в то время А. А. Воскресенский, довольно скоро пришел к нам и стал делать довольно строгим тоном нам выговор за беспокойство, которое мы причинили Трепову, и [сообщил], что последний жаловался попечителю округа. Попечителем в то время был граф Ливен¹⁵⁷, бывший студент Дерптского университета, а впоследствии министр государственного имущества. Тогда один из нас спросил ректора, что сказал попечитель. На этом вопросе ректор, видимо, едва сдерживаясь от смеха, передал нам, что попечитель сказал: «Это в Дерпте бывает очень часто», а затем ректор быстро поклонился, повернулся и ушел. Этим весь инцидент посещения нами Трепова был исчерпан, и нас не подвергли наказанию. <...>

В начале моего пребывания на четвертом курсе (1866 г.) меня снова постигло некоторое изменение в моем существовании. Однажды я получил официальную бумагу из конторы Демидова, извещающую меня о том, что весь дом отдан в найм итальянскому посольству и что я должен упаковать все вещи лаборатории для отправления в реальное училище Тагила. Таким путем лаборатория была закрыта, и, как я узнал позднее, в ее помещении посол устроил свой винный погреб. Это закрытие лаборатории лишило меня единственных постоянных материальных средств, и положение мое становилось весьма тяжелым. В это же время ассистент проф[ессора] П. А. Пузыревского Вреден¹⁵⁸, химик по призванию, перешел в нашу химическую лабораторию, а впоследствии был профессором химии в Горном институте. На эту вакансию меня и пригласил П. А. Пузыревский, заявив мне, что как студент я в настоящее время могу быть зачислен только как исправляющий должность ассистента. В это время и ассистенты получали также по 25 руб. в месяц, т. е. то же содержание, что я имел и у Демидова. Я, конечно, с благодарностью согласился и, чтобы не

тратить много времени на свои переходы с Песков на Васильевский остров и чтобы жить ближе к минералогическому кабинету и находящейся при нем лаборатории, нашел себе небольшую квартирку в Загигбенском переулке (ныне Волховский), а прислугой нанялась ко мне за 6 рублей в месяц старушка Фридман, мать одного из сторожей в Университете. Таким путем я мог все свое время отдать Университету, как по должности ассистента, так и по дослушиванию лекций четвертого курса.

На четвертом курсе у нас было очень мало лекций, кажется, всего 10. [Из них] шесть лекций по геологии, которые читал Э. И. Гофман¹⁵⁹; второй год по возвращении своем из заграничной командировки. Э[дуард] И[ванович] был крайне болезненный, как оказалось, [болен был] чахоткою, сильно кашлял, но читал свои лекции необыкновенно добросовестно, тщательно приготавливаясь и излагая предмет ясно и просто, но довольно медленно, что давало полную возможность записывать за ним лекции почти слово в слово. К сожалению, для Университета и науки, этот год чтения лекций Э[дуардом] И[вановичем] был и последним. Благодаря анализу фосфорита, сделанному мною для докторской диссертации Э[дуарда] И[вановича], я несколько сблизился с этим профессором; неоднократно бывал у него на дому и видел, что Э[дуард] И[ванович], как человек холостой, был отдан всею душою избранному им предмету. Ранняя смерть Э[дуарда] И[вановича] лишила нашу родину одного из ряда выдающихся геологов. Умер Э[дуард] И[ванович] на пароходе, на Волге, во время своей поездки, по совету врачей, на кумыс в Самару, где и похоронен.

Ф. В. Овсянников¹⁶⁰ читал две лекции по физиологии животных, и две лекции по органической химии читал проф[ессор] Н. Н. Соколов¹⁶¹, по образованию первоначально юрист, уже затем окончивший курс по естественному отделению физико-математического факультета. Проф[ессор] Соколов был, по-видимому, человеком крайне самомнящим, очень строгим, он редко приходил в лабораторию, хотя и жил рядом с ней, имея здесь квартиру. В кабинете своем, дверь которого прямо выходила в лабораторию и днем всегда была открыта настежь, профессор обыкновенно возлежал на кушетке то с книжкою в руках, то, наичаще, окруженный тремя-четырьмя студентами — его любимцами, и проводил время в разговорах с ними. Случись со студентами, работающими в лаборатории и не состоящими в числе любимчиков, какое-нибудь недоразумение при опытах, идти к профессору для разъяснения было не особенно приятно. К нашему счастью, занятия в лаборатории органической химией не были обязательными, а потому и работали здесь 2–3 студента. Читал свои лекции проф[ессор] Соколов очень красноречиво, причем несколько первых лекций он посвящал философии Канта. От составления записок по органической химии я отказался, и товарищи избрали, если не изменяет мне память, Крупского¹⁶², впоследствии посланного за границу, а затем бывшего профессором по прикладной химии в Технологическом институте.

Проф[ессор] Н. Н. Соколов пробыл в нашем Университете недолго. Был докторский диспут Д. И. Менделеева. Оппонентами ему были А. А. Воскресенский и Н. Н. Соколов. Диспут был необыкновенно оживленный и собрал очень много народу и почти всех химиков Петрограда. Особенную энергию в нападении и отчасти злость и иронию выказал Н. Н. Соколов. Д. И. Менделеев, с непонятным для нас хладнокровием, почти каждое нападение парировал ясно и просто, так что его ответы возбуждали

общие симпатии, и из этого диспута можно было сделать заключение, что Н. Н. Соколов не оценил и невзлюбил Д. И. Менделеева. Не так отнеслись, после провозглашения Менделеева доктором, публика и студенты, устроив ему форменную овацию. Студенты, задолго до его великих открытий, оценили Д[митрия] И[вановича] как выдающегося ученого. Что Н. Н. Соколов не оценил и невзлюбил Д. И. Менделеева, вскоре как бы подтвердилось, так как только что последний был выбран в профессора, как Н. Н. Соколов перевелся профессором в Одесский университет.

Помимо своих лекций, будучи студентом, я иногда, имея свободное время, заходил на лекции других факультетов, а некоторых из профессоров стал посещать постоянно. Меня особенно тянуло послушать лекции по философии, которую читал тогда протоиерей Сидонский¹⁶³. Читал он очень интересно и, главное, настолько ясно и медленно публично мыслил, что следить за ним мог всякий образованный человек. Но у него лекций было много, часть их совпадала с нашими, и мне это было неудобно. Тем более что от товарищей-юристов я узнал, что в более короткой форме можно ознакомиться с той же философией по лекциям проф[ессора] П. Г. Редкина¹⁶⁴.

П. Г. Редкин читал юристам «энциклопедию права», и в виде вступления к этому курсу он первое полугодие излагал им краткую историю философских учений. Кроме того, проф[ессор] П. Г. Редкин читал свои лекции ранним утром, которое у меня было свободно. Вот эти-то лекции я и выбрал для посещения.

Почтенный старик, уже в то время полуслепой, медленно входил в аудиторию и на кафедру с толсто набитым портфелем, доставал из него большую кипу бумаг и, разложив их перед собой и сильно над ними нагнувшись, начинал излагать свой предмет, постоянно следя за своим конспектом. Изложение лекций П[етром] Г[ригорьевичем] было просто образцовое, хотя присутствие перед профессором конспекта и отвлекало мысль, [заставляя] думать, что он излагает чужие мнения. Но в короткое время приходилось убеждаться в полной самостоятельности той оценки, которую делал П[етр] Г[ригорьевич] различным философским учениям. За ним также мог следить всякий, несколько не подготовленный к философии, и лекции его слушали с полным вниманием. Много позже, когда я был уже доцентом, я очень сошелся с почтенным П[етром] Г[ригорьевичем], и даже тогда, когда он покинул Университет и сделался управляющим уделов, я всячески заезжал к нему и мы вели всегда весьма оживленную беседу. Когда П[етр] Г[ригорьевич] умер вполне слепым и весьма преклонного возраста, то работавшая у него бывшая моя слушательница по Высшим женским курсам г. Сабина¹⁶⁵ сообщила мне, что при разборе бумаг покойного П[етра] Г[ригорьевича], по поручению его наследников, она нашла одну из комнат в помещении уделов, буквально наполненную его конспектами с указанием числа, месяца и года, когда читалась данная лекция. Такая находка указывает, что П[етр] Г[ригорьевич] не только готовился к каждой лекции, но еще употреблял массу времени на писание конспекта, что, совместно, конечно, свидетельствует о необыкновенном трудолюбии П[етра] Г[ригорьевича].

Как бы в наследство от беспорядков в Университете 1861 г. достались и более позднему времени сходки. Во все время моего пребывания в Университете, почти каждую неделю, я слышал, что тогда-то или тогда-то назначена сходка в такой-то ау-

дитории. Большею частью эти сходки заканчивались столкновением с университетской инспекцией, и некоторые из студентов не только были наказаны, но и были случаи исключения их из Университета. Такой случай был с моим гимназическим товарищем Миклухо-Маклаем¹⁶⁶, впоследствии путешественником. Как мне передавали, последний нанес какое-то физическое оскорбление помощнику инспектора, за что и был сейчас же уволен из Университета. Я на сходки не ходил, отчасти из-за недостатка времени, но главное — из сложившейся у меня нелюбви к многочисленной толпе. Такая моя нелюбовь к многочисленно собравшемуся народу продолжалась всю мою жизнь, и даже теперь, на старости лет, если я, идя по улице, на той же стороне ее увижу толпу, я перехожу на противоположную сторону, чтобы ее избежать. Такую нелюбовь я перенес и на сходки и один раз попробовал побороть свое предубеждение, но не мог и вскоре, едва протолкавшись чрез толпу, ушел от нее. <...>

Кроме вышесказанного, я из рассказов товарищей об университетских сходках узнал, что в большинстве случаев они совершенно безрезультатны, а постановления их совершенно не отвечают действительному желанию студентов. Такие сходки обыкновенно затевали или убежденные политики, как было уличено, или провокаторы. Как те, так и другие набирали себе сторонников, обязывая их пробывать на сходке до ее конца. Большинство же студентов приходили на сходки или ради любопытства, или, очень редко, для протеста против постановлений сходки. Но эти последние, пробыв на сходке известное время, кто ради предстоящей лекции, кто для утоления голода и т. п., мало-помалу с нее уходили и оставались только сторонники той или другой партии, а потому руководители сходки тянули ее иногда до вечерних часов, дабы побольше разошлось студентов, не могущих долго оставаться. При голосовании поставленных теми же руководителями вопросов оставшиеся сторонники их всегда голосовали согласно ранее полученному наказу, а потому постановления сходки не представляли мнения всего студенчества.

Тем не менее мне однажды пришлось пробывать на сходке короткое время, куда я пришел не ради ее, а ради слушания в этой аудитории предстоящей лекции по физической географии, которую нам читал Р.Э. Ленц¹⁶⁷, сын нашего профессора физики и бывшего ректора. Когда я пришел в аудиторию, то она оказалась настолько уже набитою народом, что я застрял в дверях аудитории и на мой вопрос, почему собралась такая масса, один из моих товарищей и до некоторой степени один из инициаторов сходки сообщил мне, что сейчас составляют уже постановление об освистании и изгнании профессора, который якобы недостойн быть профессором, должность которого занимает по протекции своего отца. Тогда я стал доказывать моему товарищу, что постановление сходки неправильно, что проф[ессор] Р.Э. Ленц, не отличаясь особенным красноречием, читает нам лекции ясно, просто и весьма основательно, но это мое возражение осталось без последствий ввиду уже сделанного постановления сходки. Тогда же товарищ указал мне, что на первой скамейке у самой кафедры посажено им около 20 человек переодетых в штатское платье восточных людей, приведенных из конвоя Его Величества, которые первыми и начнут скандал. Действительно, только что вошел в аудиторию Р.Э. Ленц, как по команде раздались свистки и крики «Вон!». Р[оберт] Э[милевич], вероятно, предварительно предупрежденный, совершенно молчаливо вошел на кафедру и стал ожидать прекращения кри-

ков. Но затем очень скоро крики прекратились, ибо раздался другой крик, что идет инспекция. Первыми бросились из аудитории переодетые конвойные и успели до прихода инспекции скрыться, затем стали уходить и другие, но уже в дверях стоял инспектор студентов Озерецкий и переписывал выходящих студентов. Когда он был в дверях, он увидел меня и, зная мою фамилию, спросил: «И Вы на сходку?» — на что я отвечал, что пришел на лекцию профессора, но случайно, и не зная о сходке, попал на эту последнюю. За инспектором я прошел в аудиторию и уселся на одну из освободившихся скамеек слушать лекцию.

Водворив порядок и переписав довольно много студентов, инспекция оставила аудиторию, и проф[ессор] Ленц прочел нам свою лекцию даже более интересно, чем в другое время. После этой лекции мы окружили профессора и извинились перед ним за скандал; он, хотя, видимо, и [был] взволнован, [знал его] основания и довольно благодушно с нами побеседовал. После этого инцидента ничего [подобного] с проф[ессором] Ленцем студенты не повторяли, и он до конца читал нам свои лекции.

Выпускные экзамены у нас были назначены в два срока: первый — в мае, второй — в ноябре и декабре. На майский экзамен нас записалось всего двое — я и Неклюдов, остальные товарищи отложили экзамен на вторую половину. Экзамен мы сдали вполне благополучно. Неклюдов сейчас же подал прошение о приеме его на юридический факультет, который и окончил в два года; затем он был помощником присяжного поверенного, присяжным поверенным, а при введении выборных членов Государственного совета он был выбран от Псковской губернии.

Проф[ессор] П. А. Пузыревский, бывший в то же время и секретарем факультета, уже получил от меня вполне приготовленную кандидатскую диссертацию об острове Валамо. Он нашел мою диссертацию настолько удовлетворительной, что уговорил меня сделать об этой работе доклад на предстоящем в декабре 1867 г. Первом съезде русских естествоиспытателей и врачей¹⁶⁸.

По утверждении меня кандидатом естественных наук проф[ессор] Пузыревский предложил мне сделаться его штатным ассистентом. В то же время я получил и другое предложение. От конторы Демидова я получил приглашение занять место преподавателя естественных наук в реальном училище Нижнего Тагила. Денежные вознаграждения за эти труды сильно отличались друг от друга. За место ассистента я должен был получать то же содержание, что и раньше, т. е. по 300 р[уб.] в год, за преподавательскую деятельность мне предлагали за то же время 3000 р[уб.], да подъемные, прогон и проч. По своей практике в репетировании я не чувствовал ни малейшего стремления к педагогике; она мне не нравилась. Кроме того, я уже вкусил душевную радость, а с ней и удовольствие, в занятии наукою, а потому без особых колебаний отказался от предложений демидовской конторы и сделался штатным хранителем минералогического кабинета нашего Университета.

В декабре 1867 г. состоялся, весьма оживленный по своей деятельности, Первый съезд русских естествоиспытателей и врачей. <...>

После съезда начались в Университете занятия во втором полугодии, и мне надо было вести со студентами занятия с паяльной трубкой, готовить лекции для лекций, а равно и самому с некоторыми студентами работать в лаборатории кабинета, которую проф[ессор] Пузыревский вполне предоставил в мое

распоряжение. В только что возникающий геологический кабинет, почти одновременно со мною, был назначен А. И. Венецкий¹⁶⁹, мой закадычный приятель и друг, ныне уже умерший. <...>

Обязательные мои занятия у П. А. Пузыревского минералогией хотя и были мне крайне полезны для дальнейших моих работ, но все-таки геология притягивала меня сильнее. Перейти к постоянному занятию геологией после отставки Венецкого уже сделалось для меня легким. Еще весной Э. И. Гофман, уже крайне больной легочной чахоткой, был, по совету врачей, отправлен на кумыс в Самару, но, не доехав до последней, умер на пароходе. С его смертью и кафедра геологии, отделенная от минералогии только Уставом 1863 г., сделалась свободной. Свободной оказалась и вакансия хранителя музея. Я совершенно откровенно рассказал П. А. Пузыревскому о своем стремлении быть вполне геологом и о том, что мне надо еще позаняться палеонтологией. Пузыревский вполне понял, что сопротивляться призванию человека не надо, и сам предложил мне место хранителя создающегося геологического кабинета. Мало того, по Уставу 1863 г. вводился институт оставленных при Университете для приготовления к профессуре. Пузыревский предложил мне и это место. Таким путем, я был первым оставленным при Университете, а с этим значительно возросли и мои материальные средства: вместо 30 р[уб.] в месяц я стал получать 90 р[уб].

Зародыш будущего геологического кабинета был в то время и по помещению, и по коллекциям в крайне стеснительных условиях. Помещение — две небольшие комнаты, выходящие во двор — любезно отделил К. Ф. Кесслер¹⁷⁰ от зоологического музея. В этом помещении было всего три шкафа с ящиками, далеко не заполненными. Я застал в них довольно значительную коллекцию, подаренную Университету Киприяновым¹⁷¹. Это окаменелости северского остеолита (фосфорита), обработанные для своей докторской диссертации Э. И. Гофманом. Нашел здесь коллекции юрских окаменелостей Венецкого, очень небольшой запас окаменелостей от проф[ессора] Куторги и мое студенческое собрание силурийских окаменелостей с р. Волхова. Сюда же надо отнести еще очень небольшую коллекцию окаменелостей, купленную Гофманом за границей на свои скудные средства. Кабинету в то время, как и другим, отпускалось в год всего только 600 р[уб]. И я первым делом с разрешения Пузыревского выписал из-за границы небольшую коллекцию окаменелостей тех геологических систем, которых не было в кабинете. Кроме того, и библиотека кабинета была очень скудная; надо было и ее пополнить хотя бы некоторыми справочными книгами, что и было сделано.

Еще до утверждения меня в должности хранителя кабинета, что состоялось только восемнадцатого марта 1868 г., я, по совету того же П. А. Пузыревского, еще летом 1867 г. предпринял исследование западного побережья Ладожского озера. Университет дал мне на это исследование 60 руб. <...>

1867/68 учебный год я провел также крайне деятельно; так как проф[ессор]. Пузыревский не нашел еще ассистента, то мне приходилось работать на два кабинета, помогая профессору. Зато материально, как указал выше, я был уже более обеспечен. Правда, к обыкновенному моему содержанию еще прибавлялись, хотя и очень небольшие, деньги. <...>

Так как проф[ессор] Пузыревский в то время был и секретарем Минералогического общества, где печаталась моя работа, а следовательно, и редактором, то он раньше других с ней ознакомился и стал усиленно налегать на то, чтобы я скорее приступил к магистерскому экзамену, намекая, что диссертация на эту степень у меня готова. Таким путем, к обычным моим занятиям еще присоединилось и приготовление к магистерскому экзамену, который я и сдал в начале 1869 г. Лето 1868 г. я посвятил новой и довольно большой геологической экскурсии, на которую мне была отпущена сумма от Петроградского общества естествоиспытателей. <...>

В 1869 г. проф[ессор] Пузыревский стал усиленно настаивать на том, чтобы я представил как магистерскую диссертацию свое исследование о западном побережье Ладожского озера; но, сознавая, что моя работа для этого недостаточна, я долго не поддавался этому уговору. К настоянию Пузыревского присоединился и А. А. Воскресенский¹⁷², и оба уговорили меня это сделать, что в конце концов мною и было выполнено. Те же профессора были и моими оппонентами на диспуте.

26 октября 1869 г. я женился на Марии Федоровне Ореус¹⁷³. <...>

Вскоре после моей свадьбы я неожиданно как-то вечером был осчастливлен посещением меня одновременно К. Ф. Кесслером и Д. И. Менделеевым. Такое совместное посещение их показалось мне довольно странным, но вскоре объяснилось, в чем дело. Оба профессора стали меня уговаривать выступить приват-доцентом по геологии и прочесть хотя бы несколько лекций. Я им довольно решительно заявил, что считаю себя недостаточно подготовленным и что считаю необходимым предварительно быть командированным за границу, по крайней мере на год. Оба в один голос заявили мне, чтобы я в этом году прочел бы, хотя в виде конспекта, несколько лекций, так как оставлять 4-й курс без геологии нельзя, а что на следующий год мне дадут и заграничную командировку. Последнее обещание, столь мною желанное, сильно поколебало мой отказ, но я все-таки просил дать мне хотя бы короткое время подумать. Чрез несколько дней с тем же предложением пришел ко мне и более близкий по предмету П. А. Пузыревский. Мы очень долго с ним беседовали, и он приводил мне ряд примеров, в которых чтение лекций некоторые профессора начинали еще раньше меня, не имея печатных работ, а для своих диспутов представляли только письменные работы.

Когда я высказал П. А. Пузыревскому свою заветную мысль по поездке за границу, то получил от него уверение, что стоит мне начать лекции, как в будущем году мне устроят заграничную поездку. Уговоры П[латона] А[лексеевича] в значительной мере поколебали мою решимость, но я все-таки окончательное согласие свое просил отложить. Мне было всего 26 лет, окончил курс я недавно, знакомство с геологической литературой было недостаточно, но перспектива целый год поучиться за границей все победила, и я подал в факультет прошение о допущении меня к чтению лекций [по] геологии в качестве приват-доцента. В этом звании я был выбран и утвержден 17 января 1870 г., а уже 5 февраля того же года, т. е. раньше чем через месяц, я по инициативе самого факультета был избран в штатные доценты по кафедре геологии.

Глава IV. Профессура

Сколько волнения я испытал не только при приготовлении к вступительной лекции, но в особенности перед нею: я серьезно даже подумывал, почти при выходе на кафедру, отказаться от профессуры и пойти куда-нибудь на завод. В то время строго соблюдался обычай среди профессоров факультета присутствовать на вступительной лекции. Стали мало-помалу приходить в минералогический кабинет, в аудитории которого я читал лекцию, наши профессора. Пришли Кесслер, Менделеев, Воскресенский, Пузыревский, Бекетов и другие, но ожидание их прихода сделало опоздание началу лекций на 25 минут.

Когда я взошел на кафедру, я уже никого не видел, а стал довольно быстро передавать содержание лекции, хотя и во время самого чтения нет-нет и мелькала у меня мысль уйти и бросить профессуру. Я заготовил для вступительной лекции очень большой материал и читал лекцию без всякого конспекта, но этого материала мне едва хватило до конца лекции, т. е. звонка. Позднее такой запас материала у меня занимал по крайней мере три лекции. Вот после этой лекции я на себе почувствовал недостатки нашего воспитания в противоположность английскому, где с ранней юности приучают молодежь к публичным речам. Мы же в этом отношении растем прямо дикарями и крайне конфузимся говорить и мыслить публично. Тем не менее мои покровители-профессора после лекции подходили ко мне и, не знаю искренне или нет, говорили, что я буду со временем прекрасным лектором. Дальнейшие мои лекции хотя и заставляли меня волноваться, но не так, как лекция вступительная.

В следующем учебном году мне не удалось уехать за границу. Такая неудача вызвана тем обстоятельством, что никто не обратил внимания, на каких курсах читалась геология. Лекции ее были распределены так: на третьем курсе читались динамическая геология и петрография, остальные отделы науки читались на четвертом курсе, а потому если бы я уехал в начале [18]70/71 учебного года, то два курса остались бы без геологии. Ввиду этого факультет и поручил мне в предстоящий учебный год прочесть совместно лекции для третьего и четвертого курсов.

Предшествующий, т. е. первый год моих лекций был очень краткий; пришлось в этом новом году (1870/71) значительно его расширить и читать уже восемь лекций в неделю. Мне было очень трудно, и, говоря совершенно откровенно, записки, составленные мною по лекциям Э. И. Гофмана и дополненные по книгам, сыграли для меня решающую роль.

К концу учебного года вышла и моя заграничная командировка с 1 мая 1871 г. по 1 сентября 1872 г. Приняв экзамен от двух курсов, я стал с женою собираться за границу. <...>

Вернусь несколько назад. На Первом съезде русских естествоиспытателей и врачей было постановлено ходатайствовать перед правительством о разрешении основать ученые общества при университетах. Такое разрешение последовало только в конце 1869 г. Одним из первых открылось Петроградское общество естествоиспытателей¹⁷⁴. Инициатор съездов и основания Общества К. Ф. Кесслер на первом же общем собрании нового Общества, бывшем 28 декабря 1869 г., был

единолично избран президентом Общества, а в секретари его избрали А. Н. Беке-това. Общество было подразделено на три отделения: минералогии и геологии; ботаники и зоологии, а спорадические общие собрания были для всех трех отделений. При открытии отделения минералогии и геологии тоже, по уставу, надо было выбрать председателя, члена совета и секретаря. Председателем отделения минералогии и геологии был выбран проф[ессор] Н. Н. Барбот-де-Марни, членом совета проф[ессор] П. А. Пузыревский, секретарем избрали меня. Пребывание мое в качестве секретаря отделения убедило меня, насколько важно и необходимо организовывать публичные собрания, в которых можно было бы мало-помалу отвыкнуть от присущей нам конфузливости и высказывать открыто свои мнения. Я до известной степени этому секретарству значительно обязан в вышеуказанном отношении. Зная это по [собственному] опыту, в позднейшей своей деятельности я почти всегда старался провести в секретари отделения тех из моих ассистентов, которые страдали тем же недостатком, что и я. Таким путем развернулись силы у В. В. Докучаева¹⁷⁵, Н. А. Соколова¹⁷⁶, П. Н. Венюкова¹⁷⁷ и т. д., которые прежде до того конфузились перед публикой на своих докладах, что эти последние, несмотря на большой научный интерес, проходили мало замеченными. Петроградское общество естествоиспытателей, избрав меня своим президентом на пятое трехлетие, существует и до сих пор, вступив в 50-й год своего существования, и дало за это время по каждому отделению до 48 томов своих трудов. <...>

По приезде в Вену я нашел в Геологическом комитете письмо от П. А. Пузыревского, в котором он извещал меня о смерти моего первого ассистента Сперанского¹⁷⁸. Это известие меня очень поразило, так как скончавшийся был здоровый и крепкий человек. Правда, письмо объясняло и самую причину смерти, независимо от крепости здоровья. Эта причина была зараза черною оспою, которую, по-видимому, [он] получил на экскурсии. Очень талантливым и работающим по призванию был [этот человек], и хотя он успел напечатать только одну работу, но я вполне был уверен, что из него вышел бы прекрасный работник для геологии. Меня особенно мучило, что до некоторой степени я являюсь как бы виновником его смерти. [В письмах моих к нему] я очень настаивал, чтобы каждую весну он ездил собирать по известняковым ломкам окрестностей Петрограда окаменелости для музея, что он и делал и где-то там и заразился. В письме к П. А. Пузыревскому я просил сделать представление об утверждении на освободившуюся вакансию ассистента В. В. Докучаева, который, окончив курс, работал у меня в кабинете и которого я хорошо узнал. <...>

Среди лета я получил от В. В. Докучаева письмо, прямо меня ошеломившее. В этом письме он сообщает о смерти П. А. Пузыревского, скончавшегося после непродолжительной болезни в полном расцвете научных сил. Это известие заставило нас с женою долго оплакивать эту близкую мне потерю. Установившиеся очень теплые наши отношения, почти родительская обо мне его забота — все это делало указанную потерю для меня незаменимою. Правда, при содействии того же П[латона] А[лексеевича], я уже твердо стоял на своих ногах, но внезапное прекращение тех дружественных отношений, которые установились между нашими близкими друг другу предметами, а равно и беспокойство о моем зародышевом

геологическом кабинете — все это сильно меня заботило. По университетским правилам, уезжающий в отпуск или командировку профессор, заведующий учебно-вспомогательным учреждением, обязан передать свой кабинет другому профессору, остающемуся в Петрограде. Такая передача мною и была сделана П. А. Пузыревскому. С его смертью, а равно и за смертью Сперанского кабинет остался без присмотра, ибо новый ассистент В. В. Докучаев еще не был выбран. Его избрание должно было состояться только при начале учебного года. К моему счастью, я узнал, что добрейший К. Ф. Кесслер взял кабинет под свою охрану.

Со смертью П[латона] А[лексеевича] явилась у меня еще новая забота: кто будет его заместителем? Мне представлялось крайне важным, чтобы заместитель сохранил то же дружественное отношение к геологическому кабинету, которое имел П[латон] А[лексеевич], ибо без взаимной помощи столь близких предметов весьма было бы трудно вести преподавание. Единственным заместителем был М. В. Ерофеев¹⁷⁹, защитивший свою диссертацию на магистра, когда я был на четвертом курсе. Это и совершилось — М. В. Ерофеев был избран в доценты по минералогии. <...>

Масса впечатлений, вывезенных мною из-за границы, как-то: знакомство со многими профессорами, осмотр многих музеев, отдельные геологические экскурсии в разных местностях, некоторое ознакомление с характером лекций по моему предмету заграничных профессоров — все это подняло до некоторой степени и мой дух, и лекторский талант. По позднейшим откровенным отзывам моих слушателей, до и после поездки за границу разница в чтении лекций была крайне значительная. Не могла не приниматься и неприятная сторона к приятному состоянию духа — это новые отношения с минералогическим кабинетом. Когда я, после поездки, посетил мне довольно близкий когда-то кабинет, я встретил чуть ли не враждебное отношение и [в ответ] на мою просьбу давать, до присылки из-за границы, некоторые коллекции, образцы которых необходимы для показа студентам, встретил форменный отказ. После смерти П. А. Пузыревского был избран магистр М. В. Ерофеев. Пузыревский питал ко мне почти родительские чувства, здесь же я встретил отсутствие даже видимой любезности и должен был понять, что рассчитывать на какую-нибудь помощь столь близкого к геологии предмета с этой стороны нечего.

Причина такого отношения так и осталась для меня до сих пор неизвестною. Вероятно, личная антипатия ко мне М. В. Ерофеева играла здесь роль.

Произошли некоторые изменения и в самом факультете. Если я при выборе меня в доценты нашел наш факультет в блестящем составе, так как здесь были Д. И. Менделеев, К. Ф. Кесслер, А. Н. Бекетов, Ф. В. Овсянников, П. А. Пузыревский, А. В. Советов¹⁸⁰, А. С. Фаминцын, П. Л. Чебышев¹⁸¹, О. И. Сомов¹⁸², А. Н. Савич¹⁸³ и А. Н. Коркин¹⁸⁴ и еще другие, то в новом составе количество известных профессоров в мое отсутствие еще увеличилось; прибавились А. М. Бутлеров¹⁸⁵, Н. П. Вагнер¹⁸⁶ и И. М. Сеченов¹⁸⁷. Этот блестящий состав факультета, после избрания бывшего декана К. Ф. Кесслера в ректоры университета, избрал в деканы А. Н. Бекетова, и я был удостоен чести избрания в секретари факультета, в которых и пребывал в течение десяти лет, оставив секретарство только при новом режиме, когда ввели должность декана по назначению¹⁸⁸.

Еще из-за границы я послал свою рукопись об исследованиях на севере России в 1869 и 1870 гг. в Петроград для напечатания ее как отчета Обществу естествоиспытателей в Трудах Общества и по приезде нашел ее оконченную печатанием. Имея в виду обязательно написать и представить, для получения большего оклада экстраординарного профессора¹⁸⁹, еще докторскую диссертацию, я решил эту готовую работу представить в факультете как докторскую диссертацию. Ближайшим компетентным лицом для ее рассмотрения и заключения был профессор ближайшей кафедры, т.е. минералогии. Таковым состоял, как упомянуто выше, магистр М. В. Ерофеев. На это лицо факультет и возложил обязанность дать отзыв к моей работе. В это время Министерство народного просвещения очень строго замещало вакансии доцентов и профессоров, а в нашем факультете было всего три штатных доцента, из которых один был математик. Вакансия же экстраординарного профессора была только одна, на которую и надо было выбрать кого-нибудь из доцентов. У меня докторская диссертация была готова, а у М. В. Ерофеева ее не было до самой его смерти; он умер магистром. Ерофеев для отзыва держал мою диссертацию два месяца, не давая никаких заключений; распространял ли он о ней неблагоприятные слухи, мне неизвестно. Ввиду продолжительности представления отзыва я обратился к декану А. Н. Бекетову с просьбой или поторопить Ерофеева с представлением отзыва, или [предложить ему] признать свою некомпетентность. Ерофеев счел долгом, несмотря на продолжительное изучение моей диссертации, признать свою некомпетентность. Так как я представил в факультет свою диссертацию официально, а ввиду продолжительности ее рассмотрения могли распространиться слухи, что Ерофеев признал свою некомпетентность из нежелания дать неодобрительный отзыв, то я настоял перед деканом, чтобы моя работа была разослана компетентным профессорами других университетов с просьбой дать о ней отзывы. Для этой оценки моя работа была послана проф[ессору] Щуровскому¹⁹⁰ в Москву, проф[ессору] Леваковскому¹⁹¹ в Харьков, проф[ессору] Феофилактову¹⁹² в Киев и профессору Горного института Барбот-де-Марни. От всех них были получены мотивированные отзывы в смысле, вполне благоприятном для моей работы, и факультет признал ее достойной быть допущенной к защите на степень доктора. Проф[ессор] Феофилактов в частном письме ко мне предложил защищать диссертацию в Университете Св. Владимира. После этих отзывов уже сама моя настойчивость сделалась неуместной, так как требование диспута в Петрограде, за отсутствием оппонентов, для факультета было бы обременительным. Я решил защитить свою диссертацию, по зову К. М. Феофилактова, в Киеве, списался с ним, и он же назначил мне ближайшее воскресенье для диспута. Приехав в субботу в Киев, я на другой день защитил диссертацию (27 апреля 1873 г.) и был признан доктором минералогии и геологии. Ученая степень как магистра, так и доктора официально носила наименование магистра или доктора минералогии и геогнозии. Университет Св. Владимира был в этом отношении новатором и взамен геогнозии впервые ввел настоящий термин — «геология». После диспута я в тот же день был приглашен на обед с профессорами физико-математического факультета к любезному им декану И. И. Рахманинову¹⁹³, а поздно вечером уже ехал в железнодорожном вагоне обратно в Петроград.

Приобретение мною степени доктора уже дало возможность факультету заняться рассмотрением вопроса о занятии единственной вакансии экстраординарного профессора. Нас было, как видели выше, всего в факультете по штату три доцента, из них в данный момент только двое были докторами — доцент по математике и я, третий (Ерофеев) был магистр, а следовательно, не подлежал баллотировке. Математики факультета в экстраординарного профессора предложили своего математика, натуралисты — меня. По произведении баллотировки я получил наибольшее число шаров и был избран; но и математик, хотя получивший меньше шаров, все-таки был выбран. После моего избрания я встал в факультете и благодарил за честь избрания, но в то же время предложил просить Министерство об утверждении хотя бы сверхштатным экстраординарным профессором и математика, также факультетом избранного. Факультет, а равно и совет Университета, изъявили полное согласие, а Министерство отпустило надлежащие средства для этого.

После этого события М. В. Ерофеев недолго оставался в нашем Университете и скоро перешел в Университет в Одессу, позднее сделался профессором Лесного института в Петрограде, где и умер. На освободившуюся с уходом Ерофеева должность мною был предложен факультету бывший мой ассистент, магистр В. В. Докучаев, который и был выбран в штатные доценты. При такой замене отношения между геологическим и минералогическим кабинетами снова изменились и опять, как и при П. А. Пузыревском, сделались, как и должно было быть у близких предметов, вполне дружественными.

Только 20 октября 1880 года появилась в факультете вакансия ординарного профессора, на которую я и был избран. Следовательно, семь лет пришлось просуществовать на мизерном окладе экстраординарного профессора. <...>

О своей дальнейшей университетской деятельности скажу здесь очень немного, предоставляя другим произвести эту оценку. Десять лет я нес обязанности секретаря факультета, да такое же количество лет я, по избранию совета, был университетским судьей¹⁹⁴, первоначально с А. Д. Градовским и О. Ф. Миллером, а затем, за смертью А[лександра] Д[митриевича], — с его заместителем Н. С. Таганцевым¹⁹⁵. По избранию совета за мою пятидесятилетнюю службу Университету мне пришлось перебивать почти в сотне разнообразных комиссий. Особенно были обременительны возникающие спорадически и обыкновенно бесплодные комиссии по пересмотру университетского Устава. У меня сохранилась в памяти та обида и даже насмешка, которую профессуре преподнесла последняя комиссия И. Д. Делянова¹⁹⁶. Незадолго до утверждения Устава 1884 г., после объезда и собирания сплетен в провинциальных университетах, который совершил И[ван] Д[авыдович] со своей правой рукой — Георгиевским¹⁹⁷, мы, профессора Петроградского университета, последними получили повестки явиться в Министерство в комиссию И[вана] Д[авыдовича] для дачи показаний о достоинствах и недостатках университетского Устава 1863 г. В моей повестке обозначено было время 11.15 утра, и когда я явился туда, то в приемной застал нашего профессора К. А. Поссе¹⁹⁸, который тоже был вызван, но к 11.30 утра. Итак, мне давалась ровно четверть часа на изложение перед комиссией достоинств и недостатков Устава 1863 г. Разве это не была насмешка над петроградскими профессорами?

Членом Совета министра народного образования я был назначен 11 сентября 1904 г. Моя главная деятельность по этой должности, по избранию Совета министра, была сосредоточена главным образом в постоянной ревизионной комиссии по пенсионной кассе народных учителей. Кроме этой обязанности, мы также участвовали в различных комиссиях, назначенных министром, а равно обязательно присутствовали и в его Совете, где решались дела, для которых министр уполномочен не был. Совет собирали различные министры, пережитые мною в качестве члена Совета, различно: то очень часто, то изредка, а некоторые даже Совет совершенно игнорировали. Членом Совета я пробыл десять лет, и в это время сменилось (количество министров автором не указано. — *Примеч. сост.*) министров. Совет министра прекратил свое существование с наступлением революции.

Не ведя [в свое время] дневники и имея такую массу обязанностей не только по Университету, но и по своей общественной деятельности, я решительно не могу, без постоянных возвращений назад, представить читателю дальнейшую свою жизнь в хронологическом порядке; и представляется значительно легче мои воспоминания сгруппировать в отдельные категории, которым я и дал по их содержанию соответствующие заглавия.

Глава V. Устройство геологического кабинета и в нем работающих

Одним из первых предприятий, по возвращении моем из-за границы, была забота о создании и расширении геологического кабинета. Выше было уже указано, в каком состоянии я застал зародыш этого учреждения. Без соответствующего оборудованного музея профессор сразу лишается возможности правильно функционировать и как ученый, из-за отсутствия всяких средств сравнения, и как педагог — за невозможностью в натуре показать студенту преподанный объект. Познакомившись с рядом выдающихся заграничных музеев, я задался целью по возможности расширить кабинет и снабдить его коллекциями, без которых невозможно было вести преподавание. Не было, например, совершенно петрографических коллекций, при этом чтение лекций по петрографии было возложено на геолога. Довольно полная коллекция в этом отношении была в минералогическом кабинете, но, как мы видели выше, в пользовании ею мне было отказано. Для выписки из-за границы такой коллекции нужны были время и деньги. Последние мне отпустил факультет, но время тянулось и преподавание шло, надо было показывать. <...> Позднее мне удалось приобрести для кабинета и более полную петрографическую коллекцию.

Также я стал хлопотать о расширении и самого помещения кабинета. Временное помещение, при зоологическом кабинете, было крайне тесное, да, кроме того, и сами зоологи нуждались в отведенных комнатах. Все это в конце концов дало возможность перенести несложные коллекции того времени во второй этаж Университета, почти под то помещение, где был зародыш кабинета. Но явилось новое препятствие. Собираемый материал не находил для себя мебели, не было [ни] лишних шкафов, ни витрин, а часть коллекций лежала прямо открыто на сто-

лах, довольно подержанных и отысканных эзекуторами в сараях Университета, и подвергалась пыли и возможному хищению.

Первая прекрасная витрина явилась в моем кабинете довольно оригинальным способом. Однажды в кабинет пришел М. В. Сидоров¹⁹⁹ и, познакомившись со мною, просил определить ему несколько горных пород и образцов руд, что я чрез несколько времени для него и исполнил. <...> Сидоров стал ежегодно осенью привозить мне различные образцы и однажды, как бы в виде намека, дал понять, что за мой труд по определению он готов и платить. Я категорически заявил ему, что об этом не может быть и речи, но он может, если хочет, сделать что-нибудь для создающегося музея, например подарить шкаф или витрину. Сидоров очень этому обрадовался и просил меня указать, для какой цели пожертвовать кабинету деньгами. Я уже давно сам составил проект центральных витрин, о которых мечтал для кабинета. Чертежи были готовы, готова была и смета столярного мастера Вунша. Я показал все это Сидорову и указал на возможную стоимость этой витрины в 500 руб. Сидоров просил меня немедленно заказать эту витрину за его счет, что мною и было исполнено. Вот таким путем явилась в геологическом кабинете первая витрина, построенная на частные средства.

Когда я официально довел до сведения факультета об этом пожертвовании Сидорова, то встретил и в факультете полное сочувствие и поддержку. Хлопоты факультета увенчались успехом, и мне ежегодно стали отпускать особую сумму для постройки витрин и шкафов. Таким путем мне удалось единственную комнату в три окна обратить в некоторое подобие музея. Другие комнаты были для этого неудобны. Рядом с большою комнатою была небольшая — для работы мне и ассистенту, а к ней примыкали две полутемные комнаты, выходящие в верхний университетский коридор. Весьма скоро и вновь построенные по стенам витрины наполнились коллекциями. При этом я помещал в витрины под стеклами только русские коллекции, а заграничные помещал в глухие ящики, устроенные под витринами. Порядок выставки русских коллекций я выбрал, размещая их по геологическим системам, где была бы возможность переходить от древнейших геологических отложений к новейшим.

В течение нескольких лет мне пришлось пробыть в этом помещении, ежегодно совершая летом свои экскурсии и собирая материал для университетской коллекции. Я всегда считал совершенно не допустимым, заведую музеем, из аналогичных предметов составлять и собственную коллекцию. К этому же времени относится и заведенный мною обычай производить обмен дубликатами русских пород и окаменелостей с заграницей, как меня почти всегда просили мои коллеги.

Созидающийся музей довольно часто посещал известный палеонтолог и профессор Горного института Э. И. Эйхвальд²⁰⁰. Нередко он у нас и занимался собранными, но не определенными еще силурийскими окаменелостями. Э. И. Эйхвальд сам обладал большою коллекциею русских окаменелостей, большинство которых были оригиналы, описанные им в его «*Lethaea Rossica*» [Палеонтология России. — *лат.*]. Однажды Э. И. Эйхвальд, придя ко мне в кабинет, показал мне письмо, полученное им из Америки, если не изменяет мне память, от миллиардера Пибоди²⁰¹, который предлагал купить у Эйхвальда всю коллекцию для создающегося нового

университета в Америке за десять тысяч долларов, [и сказал, что он] не захотел выпустить коллекцию из России и готов продать ее в наш Университет за 6000 рублей. Такое предложение для создаваемого мною музея было прямо находкой. <...> Один прием этой коллекции и привоз ее в Университет заняли у меня, ассистента и работающих в кабинете двух окончивших курс около одного месяца. Но когда я привез и составил ящики в музее, то загромоздил его до такой степени, что все проходы между витринами были ими заняты. Разбирать привезенные материалы при таких условиях и при недостатке мебели было решительно невозможно, а потому я обратился к ректору с просьбой посмотреть на громоздкость привезенного и дать совет, что мне делать. В то время ректором был добрейший К. Ф. Кесслер, и когда я привел его в помещение геологического кабинета, то он лично убедился в полной невозможности разобрать здесь коллекцию и сказал мне, чтобы я ходатайствовал о более обширном помещении для музея и что для этого открывается возможность. Увеличения помещения требовали и другие кабинеты Университета. Так, физический кабинет был до крайности стеснен, а потому ему еще раньше отвели для практических занятий довольно значительное помещение в третьем этаже, но и оно оказалось недостаточным. Тогда проф[ессор] Ф. Ф. Петрушевский²⁰² стал хлопотать о приспособлении не занятой в то время части петровской постройки внутри двора, известного под названием (в рукописи неразборчиво. — *Примеч. сост.*), что и представилась возможность сделать. Вот на освобождающиеся от практических занятий по физике комнаты, где было несколько зал, ректор и указал мне как на вполне подходящее помещение, о котором пришлось снова хлопотать и достичь успеха. В это помещение пришлось переехать только через год, и самый переезд занял много времени, но зато я мог вполне рассчитывать на возможность значительного расширения музея. Правда, не хватало для этого мебели, т. е. витрин, куда была бы возможность систематически разместить весь материал и этим, во всяком случае, защитить его от расхищения. После переезда в новое помещение, еще не открывая ящиков с коллекцией Эйхвальда, я снова просил ректора пожаловать в кабинет и показал ему неубранные коллекции, а равно и скопившиеся ящики. Тогда ректор заявил мне, чтобы я хлопотал об отпуске специальных сумм на постройку витрин, но просил бы не сразу, а частями, что мною и было выполнено.

Этот процесс создания нового музея в то время в России можно уподобить следующему: вполне раздетый человек, закутанный только в одну шинель или шубу, приходит к какому-нибудь благодетелю и неожиданно распахивает свое прикрытие. Благодетель в ужасе и дает просителю денег на покупку пиджачной пары; проситель, нарядившись в пиджак, но без белья, снова приходит, и благодетель дает ему денег на белье и т. д. Вот так же и мне пришлось создать геологический кабинет, приспособляя его к имеющемуся помещению, совершенно в противоположность тому, как это делалось и делается в Западной Европе, где для данного музея специально возводили со всеми нужными приспособлениями здание. Здесь же приходилось довольствоваться тем, что было под рукою.

Надо добавить, что когда центральная библиотека Университета была переведена в дальний от р. Невы конец здания и отделена брандмауэром, то к моему

помещению прибавили еще три комнаты, из которых в самой большой я устроил аудиторию, разместив под стеклом в витринах наиболее характерные экземпляры с надписями, дабы в свободное от лекций время эти предметы мозолили глаза студентов и помогали бы их запоминанию.

В одной из двух остальных комнат я устроил специальную для кабинета библиотеку, а другую отвел профессору.

Пополнение коллекций шло также очень успешно. <...>

Никогда в своей жизни я не сводил специального знакомства с педагогией, а, как читатель видел раньше из моего гимназического периода, умел ладить с молодежью. В обращении со студентами в своем руководстве их занятиями я придерживался личного опыта. Этот опыт, как увидим дальше, дал возможность и части университетской молодежи стать специалистами моего предмета.

Геология читалась и читается на старших курсах, где народ уже достаточно зрелый и где в известной степени уже определились призвания, а потому здесь много легче произвести и среди студентов известную сортировку, т. е. определить, что данное призвание есть действительное, а не временное увлечение. По отдельным предметам желающие быть специалистами являются спорадически. Бывают годы, что из многолюдного выпуска по геологии являлся один, а иногда и ни одного, тогда как в другие годы из малочисленного выпуска являлось до трех и более. Для специалистов прежде я делал практику по кандидатской диссертации, а позднее, когда ученая степень кандидата была уничтожена, по зачетному сочинению. Кроме того, [из] студентов старших курсов допускались для специальных работ у меня в кабинете только те, что сдали экзамены из минералогии и прошли практику количественного химического анализа. Обыкновенно у студентов двух старших курсов мало времени для специальных работ, так как у многих есть еще обязательные практические занятия, а равно и так называемые (в рукописи неразборчиво. — *Примеч. сост.*) предметы, экзамены по которым они не сдавали, а это надо сделать до выпускного экзамена. Наконец, надо было готовиться и к этому последнему. Только очень старательные студенты приходят к Вам для специальных работ. Вот тогда и начинается с ними беседа о том, какая часть геологии их больше всего интересует, так как обнять все ее части студенту не под силу. Из этих разговоров прежде всего узнается степень интеллигентности и развития данного студента. Бывали случаи, что уже первый разговор давал мне возможность сразу определить пригодность такого студента для занятий геологией. Здесь как бы по русской поговорке «Рыбак рыбака видит издалека» определялся будущий специалист. Но обыкновенно, продолжая с пришедшим к Вам студентом разговор, спрашиваешь его, есть ли у него своя тема, и иногда узнаешь, что некий студент предшествующее лето проводил в такой-то местности России, где и собрал небольшую коллекцию окаменелостей или горных пород, которую и желал бы описать для зачетного сочинения. Сообразно его сборам и засаживаешь его за определение собранного материала, указав ему и соответствующую литературу. Если своей темы нет, то даешь ему свою тему, как пример: обработать какую-либо еще не определенную коллекцию кабинета. По личному своему студенческому опыту я обыкновенно наблюдал за деятельностью такого студента издали, предо-

ставляя ему большую самостоятельность и не признавая необходимым водить его на помочах. Но, конечно, в случае какого-либо недоразумения или обращения ко мне шел ему на помощь. Таким путем мало-помалу и в значительной мере самостоятельно у данного студента являлась работа, которую он и представлял мне как или кандидатскую, или зачетную. Во всяком случае, по этой первой работе я не всякому студенту предлагал быть оставленным при Университете для приготовления к профессорскому званию. Для последнего мне необходимо было убедиться, обладает ли студент тем, как французы называют, «священным огоньком», который необходим для определения истинного призвания. Иногда очень небольшая тема, но разработанная с огоньком, решала дальнейшую судьбу студента. Так, между прочим, один из таких пришедших ко мне студентов показал мне сталактиты, которые он собрал под Троицким мостом Петрограда, и просил позволения обработать эту коллекцию у меня. Эта тема меня удивила, тем не менее, я ему это разрешил, и в конце концов из его исследования вышла настолько интересная работа, что была напечатана²⁰³, а сам автор был оставлен при Университете и ныне уже приготовил и магистерскую диссертацию.

У меня обыкновенно было очень мало случаев, где мне самому приходилось заговаривать о возможности оставления при Университете по окончании выпускных экзаменов. Точно так же я очень редко представлял в факультет для оставления при Университете только что окончивших курс, а предлагал достойному этого студенту поработать без оставления и стипендии в кабинете по крайней мере еще год, и это делалось не ради какого-либо препятствия, а только ради убеждения как бывшего студента, так и меня, что мы оба не ошибаемся в настоящем призвании. Частным образом работающий в кабинете без всяких проволочек может свободно его оставить, убедившись в своей ошибке. Мне нередко приходилось много хлопотать о таком бывшем студенте, чтобы доставить ему, по уходе из кабинета, какое-либо место. Бывали случаи и почти обратного порядка. Так, из одного малочисленного выпуска явились ко мне трое желающих специализироваться, и все имели свои темы. Интересно то, что все трое были не только одного Университета выпуска, но и одной гимназии. Двое из этих трех шли в своей работе весьма самостоятельно и спокойно, но третий довольно скоро разочаровался в своей теме, а это разочарование перенес и на свою дальнейшую деятельность. Он пришел ко мне и заявил, что ошибся в своем призвании и что уходит. Тогда мне пришлось его убеждать попробовать свои силы на другой теме, и в этом отношении я его уговорил и дал ему ту тему, которую, между прочим, хотел заняться и сам. Начав работать, этот третий заметно успокоился, а к концу своей работы перестал и думать об уходе. Со временем из него вышел довольно видный геолог, сделавший у нас интересные открытия.

Особенно неприятно было иметь дело со «скороспелками», как я их мысленно называл, т. е. со студентами первых двух курсов, являющимися иногда ко мне с просьбой допустить их к занятиям в кабинете. Такие студенты иногда и приносили коллекции, собранные или купленные ими, и просили их определить. Таких студентов все-таки приходилось удалять, предварительно доказав им, что для занятий геологией необходимо предварительное знакомство со всем циклом

тех наук, что читаются до четвертого курса, и нужен, кроме того, также стаж работы в кабинете, что указано раньше. Собранные же ими коллекции я предлагал временно оставить в кабинете для определения их опытными лицами. Для специальных же работ пришлось их приглашать только тогда, когда они дойдут до четвертого курса и сдадут необходимые экзамены. Из своей многолетней практики я помню одного первокурсника, который явился ко мне с прекрасной коллекцией третичных окаменелостей, с которой он был настолько знаком, что знал как родовое, так и видовое наименование каждого экземпляра. Я, несмотря на это, поступил и с ним, как с вышеуказанными, также объяснив ему свой взгляд на специализацию. К сожалению, узнал позднее, что один из бывших моих ассистентов, достигший самостоятельной деятельности, взял этого студента под свое покровительство. Этот студент с большим трудом окончил университетский экзамен; успел опубликовать несколько работ, но, несмотря на значительный промежуток времени, не дал магистерской диссертации, а в своих работах обнаружил только довольно узкую специальность, тогда как в обращении приобрел необыкновенный апломб и самоуверенность.

Мне приходилось иногда давать приют в кабинете и так называемым мною «беженцам», т. е. окончившим курс где-нибудь в провинциальном университете, но не нашедшим поддержки у соответствующего профессора или даже встретившим гонения. Были и окончившие заграничные университеты, но с них я обыкновенно требовал, частным образом, коллоквиума, хотя такие приезжие являлись ко мне уже с напечатанными за границей работами. Из «беженцев» некоторые были мною оставлены при Университете, получали и стипендию, работали в кабинете, сдавали магистерские экзамены и защищали у меня обе диссертации. Таким способом они органически были связаны с моим кабинетом на несколько лет. Некоторые из них, если можно так сказать, породнились с кабинетом. К сожалению, должен прибавить, что был случай, о котором расскажу дальше, когда такой «беженец», получив все возможное, повернулся к кабинету спиной и не хотел его больше знать.

Работали у меня в кабинете частным образом и женщины, мои бывшие слушательницы с Высших женских курсов, и некоторые из них дали очень интересные работы, о которых они сделали доклад в Обществе естествоиспытателей, где их работы и напечатаны. <...>

Не могу на старости лет удержаться, чтобы не рассказать о некоторых случаях, бывших в моей педагогической по Университету деятельности. Эти рассказы я включаю сюда с целью предупредить вступающих на арену профессуры моих молодых товарищей, дабы они заранее были готовы к различным случайностям подобного рода и чтобы неожиданные неприятности не омрачали их деятельности.

У меня за все время профессорства было только одно недоразумение со студентами, несмотря на строгость моего экзамена. Дело было так: после одной моей лекции ко мне в рабочий кабинет вошли три студента, из которых один был сыном известного нашего профессора. Один из вошедших обратился ко мне со словами, что студенты просят меня не обращаться с ними так фамильярно, как обращаюсь я. Когда я спросил, мнение ли это всего курса или нескольких студентов, сначала произошла заминка, но один из них откровенно заявил, что нет, не от курса <...>

Расскажу еще один и последний в моей профессорской деятельности неприятный случай. У меня работал г. Я.²⁰⁴ и был оставлен при Университете, а затем и сверхштатным ассистентом. Сдал магистерский экзамен и был мною рекомендован преподавателем геологии в одно высшее учебное заведение. Еще когда он работал в кабинете студентом, я доставал ему уроки, а позднее давал выходные геологические экскурсии. Однажды г. Я. сделал в одном учебном обществе доклад, на котором я присутствовал, о вопросе, которым я давно занимаюсь. Не посоветовавшись со мною, не ознакомившись с литературой вопроса, он в своем докладе сделал грубейшую ошибку. Я стал ему возражать и показал собранию всю неточность и ошибочность [его] взглядов. На другой день, увидев его в кабинете, я обратился к нему с выговором, что он, не посоветовавшись со мною, сделал этот доклад. На этом совете я бы частным образом показал ему несостоятельность его выводов, и не надо было бы мне публично делать возражение. На это я получил от г. Я. ответ: «Вы не признаете несогласия с Вашим мнением, а потому вчера и возражали». На что я заметил, что не только люблю добросовестную критику своих работ, но прошу и впредь этим не стесняться, ибо правильная критика ведет только к выяснению той задачи, которою занят исследователь. На другой день г. Я. прислал мне довольно резкое письмо с мотивами, изложенными выше, и просил уволить его от должности сверхштатного ассистента, что и было исполнено. Для протокола заседания общества г. Я. даже не дал своего доклада, а этот обычай в обществе существует с его основания; конечно, и мне не пришлось давать мое возражение на ненапечатанный доклад. С тех пор г. Я., проработавший в геологическом кабинете несколько лет, совершенно его игнорирует, а при встрече со мною отворачивается в сторону.

Вот подобного рода неприятности с лихвой искупаются другими проявлениями чувства к своему профессору. Не буду перечислять целый ряд благодарственных писем от бывших моих учеников в дни 25-, 35- и 50-летнего юбилеев, это было бы слишком утомительным. <...>

Еще оригинальный со мною был случай, который хотя и не касается моей педагогической деятельности в Университете, но, тем не менее, связан с другою моею университетскою деятельностью. Как-то в начале лета, когда моя семья со всей прислугою выехала из Петрограда, я зашел пообедать в один из ресторанов. Только я успел заказать себе обед, как к моему столику подходит какой-то очень приличный господин и рекомендует присяжным поверенным Б. Фамилия его мне была знакома. Поводом его прихода к моему столику было выражение благодарности за исключение его и его сына по университетскому суду из Университета. Я был десять лет избираем советом Университета судьей вместе с А. Д. Градовским и О. Ф. Миллером, позднее, за смертью А[лександр] Д[митриевич], его заместил Н. С. Таганцев. Я был до крайности удивлен этою благодарностью и просил г. Б. объяснить мне, за что я заслужил ее. Из объяснения Б. я узнал, что как он, так много позднее и его сын совершенно науками в Университете не занимались, а специально устраивали сходы и вообще вели себя в Университете скандально. Только благодаря их изгнанию из Университета и отец, а позднее и сын очнулись от своих поступков и стали заниматься наукою, что и привело их в конце концов к окончанию на правах вольнослушателей Университета. <...>

Глава XI. Забота о расширении кафедры геологии в нашем университете

<...> Приближаясь к семидесятилетнему возрасту, я задумал совершенно прекратить чтение лекций и перейти на пенсию. Это было задумано как под влиянием преклонного возраста, так и из-за прямой невозможности проследить за полным развитием различных отделов моей науки. Я все-таки рассчитывал продолжить занятия геологией в том предположении, что меня как заштатного все-таки не выгонят из созданного мною музея, ибо для меня лишение музея было бы равносильно лишению занятия наукою, а потому я стал зондировать почву о возможности замены меня двумя профессорами. При этом предполагал одному поручить геологию с палеонтологией, другому — петрографию.

До этих хлопот чтение лекций приходилось до известной степени маскировать, передавая чтение лекций по палеонтологии приват-доценту. Эта маскировка заключалась в том, что факультет в то время не поручал чтение обязательных курсов приват-доцентам, а поручал им курсы только рекомендованные. Подобные рекомендованные курсы палеонтологии я и уговаривал некоторых магистров и докторов читать в помощь мне в нашем Университете. Начал ее читать П. Н. Венюков и читал до назначения его профессором в Университете Св. Владимира. Его сменил Г. Г. фон Петц²⁰⁵, который продолжал чтение этого курса до своей несчастной гибели на Алтае. За Г[ермана] Г[ермановича] возобновлены эти лекции Н. И. Каракашем²⁰⁶, который тоже их читал до своей смерти. Только сравнительно недавно, по моему ходатайству, факультет избрал для этой цели уже штатного доцента П. А. Православлева²⁰⁷.

Во время моей зондировки у г[оспод] министров, по моему счастью, товарищем министра народного просвещения был назначен В. Т. Шевяков²⁰⁸. В[ладимир] Т[имофеевич], бывший мой коллега по Университету, долгое время жил и преподавал за границей, а потому был хорошо осведомлен о преподавании там геологии и палеонтологии. Он очень сочувственно отнесся к моему предстоящему ходатайству и советовал сейчас же его привести в исполнение. Я представил в факультет двух кандидатов, выбранных мною из состава провинциального университета и, конечно, согласно и их желанию перейти в Петроград. В факультете и совете Университета оба моих кандидата при баллотировании прошли блестяще. Но когда их представили для утверждения в Министерство, то там почему-то произошла заминка. Министр Кассо²⁰⁹ не утвердил одного из представленных кандидатов²¹⁰, а это не утверждение повело к отказу у нас от кафедры другого профессора, так как и ему было бы невозможно читать все отделы геологии и он был в этом отношении некомпетентен. Это неутверждение одного из кандидатов было более чем странно, ибо этот кандидат был, как указано выше, одним из профессоров провинциального университета, а следовательно, если он был вреден в политическом отношении для Петрограда, то равносильно и для провинции?

Отказ в утверждении министром одного из представленных кандидатов сделался известным в Университете среди лета, когда не представлялось возможности хлопотать о новом кандидате, которого еще предстояло наметить и с ним спи-

саться. Так как геология читалась студентам 4-го курса, то оставлять их без знания этой науки, а следовательно, и без экзамена не представлялось возможным, а потому декан факультета и просил меня продолжить чтение лекций и в следующее полугодие. Ради интереса студентов и Университета я согласился и тяну эту лямку до сих пор, хотя в Предисловии к 5-му изданию I тома моей «Геологии» я публично высказал свой взгляд на это дело и заявил о дальнейшем прекращении выхода моей книги в свет.

Мое представление в факультет и в совет только двух кандидатов на замещение моей кафедры было обусловлено осторожностью и советами В. Т. Шевякова, ибо представление большего числа повело бы к полному отказу. Я на это согласился, предполагая, что мои заместители сумеют со временем еще увеличить количество преподавателей по геологии. Это я считал необходимым тоже. Слишком пятьдесят лет тому назад, когда я начал читать лекции, только одна палеонтология пользовалась как бы известною самостоятельностью, хотя, по моему мнению, только с капитального сочинения Циттеля (1876 г.)²¹¹ можно признать за ней самостоятельность и теснейшее ее примыкание к зоологии и ботанике. Петрография только что зарождалась, и ее начало мы видели в первых трудах англичанина Сорби²¹² (1858 г.), за которым уже шли немецкие ученые, как Циркель²¹³, Розенбуш²¹⁴, Коген²¹⁵ и т. д. В настоящее время петрография может считаться вполне самостоятельной областью знаний, представляющей теснейшую связь между минералогией и геологией. Такой отдел геологии, который в то время начала моих лекций и не думали выделять, — сейсмология в настоящее время привлекает к себе внимание астрономов и физиков, внесших в нее высшую математику, и также является уже весьма самостоятельной (см. курс лекций покойного князя Голицына²¹⁶). Еще менее в то время обозначался отдел геологии — почвоведение, который в настоящее время уже требует для знакомства [с ним] отдельного преподавателя и стал на место связи между геологией и чистой агрономией. Вот что развилось и стало самостоятельно на моих глазах во время преподавательской деятельности. За всем этим надо было следить. <...>